

Вет. Москва. — 1993, — 12 марта

НЕ ОТРЕКАЙТЕСЬ ОТ ПРОШЛОГО

13 марта С. В. Михалкову исполняется 80 лет

Одинок ли сегодня Михалков? Почему вдруг возникает этот вопрос? Может, потому, что в 80 лет человек, если доживает, бывает очень одинок. А может, и по другой причине...

У Сергея Владимировича есть друзья. Не скажу, что много (много друзей вообще не бывает), но больше, чем у других. У него есть работа, он продолжает писать книги, редактировать «Фитиль». И вообще у него, как у всякого нормального человека, есть все в дополнение к друзьям: доброта и пристрастность, сила и слабость, широта и некая отстраненность, рожденная нынешней смутной порой, знаменитые дети и безвестные внуки, есть слава, которой может позавидовать каждый (и завидуют), ибо нет семьи, в которой не знали бы того же «Дядю Степу».

Он по-прежнему остроумен. Он всегда был остроумным. Трудно припомнить случай, когда бы он полез за словом в карман. Некоторые его высказывания стали прямо крылатыми: «Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет», «Скромность — прямой путь к неизвестности», «Я уколов не боюсь, если надо — уколюсь. Ну подумаешь — укол! Уколотся — и пошел!».

Он — один из авторов Гимна Советского Союза. Как-то на писательском пленуме один остряк «прошелся» по гимну:

— Ну и слова же ты написал, хоть падай!

— Ничего, когда запоют — встанешь, — не задумываясь, парировал Михалков.

У Расула Гамзатова есть точная мысль: если в прошлое ты выстрелишь из пистолета, то будущее стрелит в тебя из пушки. Многие сегодняшние лидеры общества любили лакомиться севрюжкой в цеховских буфетах той поры и домой брали, чтобы близкие могли приобщиться к недорогому деликатесу (рыбка та стоила чуть дороже рисовой каши). Они, впрочем, и сейчас эту севрюжку едят. И прекрасно себя при этом чувствуют. И ходят, кстати, по тем же коридорам, по которым ходили и раньше, при прежней власти, и активно ругают ту власть.

Дело, конечно, не в рыбе. Поражает чудовищная мимикрия, невероятная способность перевертываться, приспосабливаться, принимать новый, удобный, сулящий карьеру облик. Таких людей, увы, много. Михалков к ним не относится. Он не раздваивается, не лезет перед новой властью, ничего у нее не просит, ходит с высоко поднятой головой, сохраняя былую осанку.

Нелишне напомнить, что в прежние времена, пользуясь близостью к властям, придерживавшим, действуя своим авторитетом, Михалков очень много сделал для собратов по перу. Почти нет людей, которым бы он не помог: одним — в получении квартиры, другим — в устройстве на работу, третьим — в издании вне плана книги, четвертым... Он спасал от несправедливого суда, добывал дефицитные заграничные лекарства и так далее.

Я сам не раз бывал свидетелем того, как Михалков это делал, поскольку 13 лет проработал рядом с ним в Союзе писателей России. Например, приходит к нему вконец расстроенный «писменник» со своей квартирной заботой, жалуется: у кого только не был — никто не смог помочь. Михалков спокойно выслушивает коллегу, только просит не говорить длинно (он не любит долгих речей), потом снимает трубку «вертушки», набирает нужный номер (причем ему было все равно, кому звонить: секретарю горкома партии, генеральному прокурору, министру) и, чуть заикаясь, произносит: «Это Михалков беспокоит...».

Его всегда моментально узнавали, расспрашивали о здоровье и книгах, потом переходили к делу. Просьбы Сергея Владимировича почти всегда выполнялись. А секрет был не в «вертушке», а в самом Михалкове.

Сейчас нет ни секретарей горкомов, ни партии, ни СССР. Старого Союза писателей, кстати, тоже нет — он изъеден расправами. От прошлого остались только память и суд человеческой совести. И остались люди. Одни — «перестроившиеся», другие — трансформировавшиеся, третьи — ожесточившиеся в отстаивании своих крайних позиций, четвертые — сохранившиеся теми, кем были раньше. Сергей Михалков принадлежит к последним.

Да, есть события и ситуации в его прежней жизни, которые ему, наверное, неприятно вспоминать. А вы, уважаемые читатели, всегда ли были на высоте положения, кристально чистыми и высокочестными? А вы, гордо именующие себя демократами, передовыми людьми нашего общества, вы всегда можете сказать, что не жжет стыд за некоторые эпизоды былых лет, а? Меня жжет. А вас? А вас? А тех, чьи имена стоят под антимихалковским письмом в одну из газет, появившимся недавно в печати, — их не жжет? Не знаю...

Михалков — это часть эпохи. Вернее, он типичный представитель большой и сложной эпохи. И об этом нельзя забывать.

13 марта, когда Сергею Владимировичу исполнится 80, я буду далеко от Москвы, на Тянь-Шане, в горах, не смогу прийти к нему в гости и поднять за его здоровье стопку чего-нибудь крепкого. Сделаю это там, в поднебесье, среди камней, льда и снега. Выпью до дна, чтоб не осталось ни капли, и пожелаю ему того, чего нам всегда не хватало, — здоровья.

Все остальное у Сергея Владимировича есть.

Валерий ПОВОЛЯЕВ.

Дружеский шарж Бориса ЕФИМОВА.